
РОССИЯ: СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ СРЕЗЫ ИСТОРИИ

С. В. ЯМЩИКОВ

СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ДЕТЕРМИНАНТЫ «СОЛДАТСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ» 1917 ГОДА В РОССИИ

Понять глубинный смысл событий 1917 года можно на основе исследования социокультурной и социопсихологической динамики российского общества той эпохи. В революционное лихолетье тон в российском обществе задавал «человек с ружьем». Массы людей в серых шинелях с социально-психологической точки зрения были не подготовлены к принятию демократических преобразований, что привело в конечном счете к реставрации традиционализма.

Всякая революция – несчастье.
Счастливых революций не бывает.
Н. А. Бердяев

1917 год открыл новый пласт истории России. 90 лет минуло с той поры, но возбужденные революцией страсти, неизбежный в революционную эпоху раскол общества продолжают будоражить потомков, расставляя их по разные стороны политико-идеологических баррикад. Каждая из противоборствующих в революции сторон и соответственно каждая из противоположных ее оценок имели и имеют свою правду и неправду. Их невозможно совместить и примирить, но можно и нужно понять и принять такими, какие они есть, поднявшись над идеологической схваткой.

Длительное время советские историки, находившиеся под прессом классово-партийной методологии, вынуждены были представлять исторический процесс с заданных политико-идеологических позиций. При этом проявлялось основное методологическое противоречие всей советской историографии: принцип объек-

тивности исторического исследования, необходимости использования всех относящихся к поставленной проблеме источников и учета всей совокупности фактов и обстоятельств, о чем твердили в своих работах советские историки, практически всегда противоречил принципу партийности, который предписывал историкам применять классовый подход и исходить из приоритета задач, выдвинутых Коммунистической партией на определенном этапе исторического развития, а если использовать терминологию советского времени, – на этапе строительства социализма.

Это противоречие наблюдается в трудах советских историков, посвященных российским революциям 1917 года. При оценке событий и процессов революционной эпохи историко-аналитическое научное исследование, как правило, подменялось цитированием партийно-идеологических документов, работ В. И. Ленина, других партийных деятелей, чаще всего произвольно отражавших лишь одну и очень часто не самую главную сторону исторического явления.

Со второй половины 80-х годов ситуация в отечественной исторической науке стала решительно меняться. Появились труды, свидетельствовавшие о более глубоком постижении исследователями сущности всего трансформационного процесса в России в первой трети XX века, началось переосмысление концепции революций 1917 года, обозначился новый взгляд на истоки, корни революционных потрясений в России. Характерным и весьма привлекательным исследовательским сюжетом оказалась «история масс». При декларативном признании «роли масс в истории» в советской историографии этот аспект исторического процесса практически не изучался.

Сегодня широкое распространение получила точка зрения, согласно которой революции происходят прежде всего в сознании людей. Поэтому сознание разных социальных слоев, их ментальные, социокультурные, социопсихологические характеристики оказались в центре внимания современного научного знания. Исследователей событий 1917 года интересует то, как относился к происходящему простой человек, «обыватель»: крестьянин, рабочий, солдат, офицер, учитель, студент, гимназист и т. д. Возникло, утвердилось и стало весьма перспективным новое научное направление – *социальная история*, предполагающее междисциплинарный синтез с использованием методов смежных социально-гуманитарных дисциплин: истории, социологии, философии, социальной и исторической психологии, культурной антропологии, лингвистики.

Основным, во многом определяющим ход событий государственным институтом российского общества в революционное лихо-

летье стала армия. В 1917 году «армия представляла собой гигантскую социальную массу: только на фронте солдат и офицеров было 9620 тыс. (еще 2715 тыс. составляли лица, работавшие на оборону – от строителей прифронтовой полосы до работников Красного Креста), в запасных частях тыловых военных округов числилось до 1,5 млн. людей в военной форме – цифра, сопоставимая с количеством имеющегося здесь промышленного пролетариата. Через армию с революцией оказалась связана наиболее активная часть населения» (Булдаков 1997: 120).

«Человек с ружьем» задавал тон в российском обществе в переломный период его истории. Взгляды, настроения солдатских масс доминировали в общественном сознании, поскольку с ними вынуждены были считаться другие слои населения. Русская армия представляла собой специфическое социальное образование, состоявшее из различных социально-демографических групп и представлявшее собой слепок народа и барометр происходящих в стране процессов. Поэтому изучение социальной психологии солдатских масс позволяет понять социокультурную динамику всего российского общества в эпоху революционных потрясений.

Установление глубинных причин, мотивов, социокультурных, психологических и ментальных факторов, обусловивших поведение армейских масс в 1917 году, – чрезвычайно сложная в методологическом и методическом плане задача. Представляется целесообразным решать эту задачу путем изучения процесса формирования социально-психологических особенностей солдатских масс, которые выражались прежде всего в поведении, поступках, действиях солдат. Еще Ленин подметил, что революционная эпоха «тем и отличается от обыкновенных, будничных, подготовительных исторических моментов, что настроение, возбуждение, убеждение масс должны проявляться и проявляются в действии» (Ленин 58).

Социальная психология солдатских масс определялась в первую очередь особенностями социокультурного облика русского крестьянства, представители которого составляли большинство армии. В начале XX века российская деревня переживала критический момент своего существования. В ходе капиталистической модернизации не только менялась социально-экономическая жизнь деревни, но и происходили заметные сдвиги в психологии русского крестьянина. Капитализация деревни привела к расколу, атомизации, деструктурированию всего российского общества, основой и хранилищем духовных традиций которого была крестьянская поземельная община. Разрушение культуры крестьянского социума, которая складывалась веками и была надежной духовной опо-

рой в критические моменты бытия, привело к изменению традиционной системы ценностей деревенского мира. Уже к 1914 году темнота, невежество, консерватизм крестьян, их преданность монархическо-православной идеологии и старым институтам государственной власти и управления оказались поколебленными.

Первая мировая война тяжким бременем легла на деревню. Значительная часть ее мужского трудоспособного населения была призвана на военную службу. Из 15,5 млн. мобилизованных за три с половиной года войны 12,8 млн. человек были призваны из деревни (Россия... 1925: 49). Война вырывала людей из обычной для них социокультурной среды, бросала в неизвестность, крушила их надежды и ломала жизненные планы. Поэтому первой реакцией мобилизованных на войну был психологический шок, который проявлялся в их асоциальном поведении: пьяном разгуле, разгроме винных лавок, нападении на полицейские участки, поджогах помещичьих имений и хуторов зажиточных крестьян.

Особенно тяжело переживали призыв в армию ратники старших возрастов, которые составляли значительный контингент тыловых гарнизонов. Сорокалетние бородачи, призванные под ружье, тосковали по земле и семье, брошенной на нищету и разорение. Для мужчин такого возраста тяготы и лишения казарменной жизни были неизмеримо более ощутимы и трудно переносимы, чем для молодых солдат. С большим трудом ратники привыкали к военной службе. Они тяготились воинской дисциплиной и испытывали острое неудовлетворение солдатской жизнью. У многих за плечами был опыт Русско-японской войны и фронта, поэтому среди них господствовали пацифистские настроения. Ратники ополчения 2-го разряда в возрасте 40 и более лет несли в армию «специфическую идеологию и психологию, характерную для тыловой деревни в первую голову, но не для армии как таковой» (Крыленко 1927: 241).

Особенностью тыловых гарнизонов было наличие в них эвакуированных, выздоравливающих, «особо поднадзорных» солдат (дезертиров). Проходивший службу солдатом в 57-м пехотном запасном полку (г. Тверь) В. С. Коровин вспоминал, что в запасных частях «абсолютное большинство состояло из солдат, бывших на фронтах и после ранения снова назначенных в запасные полки» (Тверской центр документации новейшей истории [далее ТЦДНИ]: Ф. 114. Оп. 1. Д. 162. Л. 66). Это уже не были наивные деревенские парни, вышколенные военной муштрой. Годы войны, постоянная смерть перед глазами, ненависть к врагам изуродовали их психику и сознание. Война отравила души солдат необходимостью убивать

себе подобных, сжигать, уничтожать добытое вековым трудом. Солдаты привыкли смотреть с полным равнодушием и на человеческую смерть, и на человеческие страдания, и на все ужасы грабежа и насилия. Постоянно рискуя собственной жизнью, они не задумывались о завтрашнем дне. От этого рождалась «та бесшабашность, то отчаяние, которым каждый в свободную от бойни минуту старался забыться в разгуле, разврате или вине», о чем писал в газету «Тверской край» солдат Сергей Корсак (Тверской край 1917).

Прошедшие суровую школу кровавых боев и окопных лишений, эвакуированные нижние чины представляли собой деморализованную, одичавшую массу, склонную к анархии, жестокости и насилию. Они были самым беспокойным элементом в тыловых гарнизонах. На большинство нижних чинов эвакуированных командиры жаловались вышестоящему начальству как «на мало дисциплинированных и плохо влияющих на остальных...» (Российский государственный военно-исторический архив [далее РГВИА]: Ф. 2060. Оп. 1. Д. 51. Л. 14 об.). Под всякими предлогами раненые по выздоровлению не желали возвращаться на фронт. Командир 5-й роты 63-го пехотного запасного батальона в августе 1916 года докладывал командиру батальона: «Все партии эвакуированных нижних чинов из частей 70-й дивизии имели вид не воинских команд, а толп оборванных мужиков. На лицах их было написано одно: полное нежелание подчиняться всему порядку военной службы и крайнее недовольство тем обстоятельством, что их уже ранили один или два раза, везут во второй или третий раз на фронт. Число самовольных отлучек, побегов со службы и других преступлений было несравненно больше, чем в каких бы то ни было других маршевых ротах» (РГВИА: Ф. 7796. Оп. 2. Д. 81. Л. 146).

Поражения русской армии, экономическая разруха в тылу, ухудшавшая и без того плохое материальное снабжение войск, казарменная жизнь и быт вызывали недовольство солдатских масс. Об их настроениях свидетельствуют письма на родину. По сообщениям военно-цензорной комиссии при штабе Минского военного округа, письма солдат содержали жалобы на плохую пищу, недостаток теплой одежды, дурные помещения, сетования на несправедливое, унижающее человеческое достоинство обращение с ними непосредственного начальства. В письмах запасных часто попадает фраза: «Жизнь у нас хуже каторги» (РГВИА: Ф. 2060. Оп. 1. Д. 152. Л. 2 об.). Сводки военно-цензорных отделов свидетельствуют о тревожном, апатичном настроении солдат (РГВИА: Ф. 7796. Оп. 2. Д. 81. Л. 55).

Тяжелое моральное состояние солдат усугубляли письма из дома. В них сообщалось о распаде крестьянского хозяйства, разрухе, голоде, нужде. В отчете военно-цензорной комиссии Минского военного округа за декабрь 1916 года констатировалось: «Для писем в армию характерны жалобы на чудовищную дороговизну жизни и на невозможность достать предметы насущной потребности. В письмах сквозит усталость, апатия, недовольство правящими сферами» (Государственный архив Тверской области [далее ГА-ТО]: Ф. 56. Оп. 1. Д. 20343. Л. 64 об.).

В пределах своего жизненного мира солдаты начинают искать ответы на вопросы: почему на каждого убитого врага приходится несколько русских солдат, почему так бедствуют они сами, их жены и дети, кто виноват в этом, и что делать? Неудачи армии солдаты объясняли тем, что в ней много жуликов, изменников, предателей и шпионов на высших должностях. В письмах в высшие военные инстанции солдаты рисовали ужасающие картины продажности и халатности своих командиров (РГВИА: Ф. 7789. Оп. 2. Д. 28. Л. 427; Ф. 7891. Оп. 2. Д. 29. Л. 367 об.). В солдатском сознании укоренилось убеждение, что за деньги, подарки и по знакомству нарушается всякая справедливость во взаимоотношениях между военнослужащими. Армейская масса делала вывод: если уж чистить армию, так надо «начинать с головы», т. е. с самого Николая II, ибо «какой это царь, который окружил себя жуликами и всякими мошенниками» (Пирейко 1926: 5).

Популярность Николая II, принявшего на себя ответственность Верховного главнокомандующего, упала в армии до самого низкого предела. Этому способствовала и история с Распутиным, и немецкое происхождение императрицы Александры Федоровны. Среди солдат ходила самодельная открытка: Распутин обнимает Николая II и Александру Федоровну с надписью: «Втроем-то лучше!» Солдаты громким хохотом реагировали на нее, открыто говорили, что «царю Николашке недолго осталось править Россией» (Старцев 1991: 129).

Начинают ослабевать и религиозные чувства солдат. Кризис религиозного сознания в России наступил в начале XX века. Российское общество уже нельзя было сплотить на основе православной веры. «Церковь была устранена без борьбы, словно она не дорога и не нужна была народу. Русский народ вдруг оказался нехристианским», – писал С. Н. Булгаков (1990: 94). А. И. Деникин (1990: 122) с сожалением констатировал, что «накануне революции

знаменитая формула, на которой испокон веков держалась идеология армии и всей страны – “За веру, царя и отечество”, – оказалась распатанной, размытой». Психология большинства армии не поднималась до восприятия таких отвлеченных ценностей, как нация, государство. У солдат отсутствовало чувство патриотизма.

Пока власть была легитимной и авторитетной, солдат знал, что он поставлен перед неизбежностью повиновения ей, и покорно мирился с этим. По мере дискредитации командного состава армии и царской власти внутренний порядок в воинских частях ослабевал, дисциплина падала. Немалая часть армии физически и духовно деградировала на почве пьянства и безделья.

Игра в карты, пьянство и распутная жизнь процветали в армейской среде. Через военно-цензорные комиссии проходили письма с описанием беспечной, разгульной жизни. «Тон бесшабашный, игра в азартные игры, кутежи и женщины», – отмечали в донесениях военные цензоры (РГВИА: Ф. 2060. Оп. 1. Д. 152. Л. 2 об.). Улицы городов были заполнены празднующими людьми в военной форме, которые очень часто находились в нетрезвом состоянии. Так, 28 октября 1916 года командир 232-го пехотного запасного полка, расквартированного в Твери, писал тверскому губернатору: «...некоторые нижние чины вверенного мне полка возвращаются из городского отпуска в сильно нетрезвом виде, а другие приобретают таковой и не уходя из пределов расположения полка» (ГАТО: Ф. 163. Оп. 1. Д. 292. Л. 26). Причину этого он видел в расположенной по соседству с его частью чайной, в которой, кроме денатурированного спирта, предлагались услуги женщин легкого поведения. «Существование таких притонов разврата и спаивания, – заключал офицер, – да еще в близком соседстве с полком, служит постоянной угрозой для нравственности нижних чинов, расслабляет нравственную и физическую мощь армии (Там же). Подобные опасения командования были небезосновательными. Действительно, вследствие разгульной жизни среди военнослужащих получили распространение венерические заболевания: 80 из 100 солдат страдали венерическими болезнями (Тверской край 1917).

В воинских частях укоренились воровство и проматывание казенных вещей и обмундирования. За счет этого некоторые рядовые солдаты высылали домой по 300–500, а иногда свыше 1000 руб. (ГАТО: Ф. 927. Оп. 1. Д. 1892. Л. 213–213 об.; 216–216 об.).

К 1917 году в воинских частях скопилось большое число солдат, не желавших служить и тем более воевать. Стихийной формой

их протеста против войны было дезертирство. С начала Первой мировой войны до февральских событий 1917 года из войск в центр России бежало до 1500 тыс. солдат, а средний размер дезертирства на полк был около 1000 человек (Протасов 1979: 93). Бродя по городам и селам, эта масса скрывающихся здоровых молодых людей без определенного занятия и без средств к существованию представляла угрозу властям при возможных волнениях, характер которых был почти всегда безразличен для дезертиров.

Беглые солдаты бродяжничали, грабили, мародерствовали. По сведениям, поступавшим в штаб Верховного главнокомандующего, в тылу не прекращались беспорядки, чинимые дезертирами, и жители боялись их «не меньше неприятельских разъездов» (РГВИА: Ф. 2060. Оп. 1. Д. 152. Л. 31 об.). Главнокомандующий армиями Западного фронта в приказе № 1980 от 20 сентября 1916 года указывал: «В последнее время наблюдается скопление большого количества бродячих нижних чинов в тыловых районах армии фронта. Бродят партиями, бродят в одиночку, сосредоточиваясь в более крупных пунктах, где нередко производят различного рода беспорядки и даже грабежи» (ГАТО: Ф. 959. Оп. 1. Д. 636. Л. 49 об.).

Бесчинства, хищения и насилия производили на своем пути солдаты маршевых частей. Так, например, 7 ноября 1915 года ратники ополчения 62-го пехотного запасного батальона, проезжая в Нижний Новгород по Николаевской железной дороге, на перегоне между станциями Крючково – Кулицкая бросали поленья дров во встречный пассажирский поезд. В результате этого в поезде были разбиты 15 оконных стекол (ГАТО: Ф. 920. Оп. 1. Д. 137. Л. 345, 347). Нижние чины 102-го и 239-го запасных батальонов, следовавшие воинским эшелоном, 22 ноября 1915 года на станции Тверь произвели погром торговых лавок (ГАТО: Ф. 920. Оп. 1. Д. 137. Л. 363). 23 ноября солдаты эшелона, остановившегося на станции Охват Давыдовской волости Осташковского уезда, грабили торговые лавки, избивали их владельцев (ГАТО: Ф. 815. Оп. 2. Д. 180. Л. 272–277; ТЦДНИ: Ф. 114. Оп. 1. Д. 110. Л. 8).

Места расквартирования солдат были для них случайными, ничем не освященными, ничего не сулящими, разве что сиюминутную выгоду, причем сомнительного свойства. Солдаты не дорожили ничем, кроме минутного удовольствия. Даже человеческая жизнь, в том числе и своя, не представлялась им ценной. Этим объясняется агрессивная озлобленность и ненависть солдатской массы ко всему окружающему. Население жаловалось властям на чини-

мые войсками «обиды и унижения, поджоги, не вызываемые потребностями военной обстановки, грабежи, мародерство, шатание отбившихся от своих частей солдат, особую распущенность выздоравливающих, доходившую до неповиновения начальникам» (ГАТО: Ф. 918. Оп. 1. Д. 161. Л. 55).

Солдаты являлись инициаторами пьяных погромов и беспорядков. Их поведение на улицах городов, в транспорте было хулиганским. Так, 9 декабря 1915 года в трактир Киселева в Твери пришли 6 казаков в пьяном виде и стали требовать спиртного. Когда им в этом было отказано, они подняли шум, ругаясь площадной бранью. Из трактира казаки проникли в прядильный цех фабрики Берга, где начали приставать к женщинам. Выйдя с фабрики, они обнажили шашки и пошли по улице (ГАТО: Ф. 56. Оп. 1. Д. 20281. Л. 1). В трамваях нижние чины «не только не исполняют законных требований кондукторов, но позволяют себе разного рода безобразные выходки, брань, угрозы и даже насилие», – говорилось в приказе № 12 от 30 января 1917 года по войскам Тверского гарнизона (ГАТО: Ф. 956. Оп. 1. Д. 4а. Л. 13).

Солдаты гарнизонов, дезертиры, эвакуированные, отпускники распространяли среди населения слухи о военных неудачах России. Это возбуждало народ, обостряло и без того сложную ситуацию в стране. По сведениям департамента полиции, у населения имелось значительное количество трофейного оружия, привезенного с театра военных действий нижними чинами (ГАТО: Ф. 816. Оп. 1. Д. 1271. Л. 204).

Таким образом, Первая мировая война создала специфическую систему жизненных ценностей и приоритетов «человека с ружьем». К 1917 году сформировался особый тип военнослужащего: непрофессионал, пассивный, безынициативный, утративший уважение к себе и другим «человек толпы».

Февральская революция встряхнула солдатские массы и породила у них надежды на скорое решение всех их проблем. Весть о свержении царизма солдаты встретили с энтузиазмом и поддержали революцию. «Можно с полной уверенностью сказать, что это была не революция вообще, а больше солдатская революция. Рабочие начали революцию, солдаты ее “сделали”, буржуазия же ее только оформила, санкционировала», – вспоминал о февральских событиях солдат 57-го пехотного запасного полка В. Захаров (1917: 31).

Оторванный от деревни, изуродованный нравами войны и условиями казарменной жизни, крестьянин-солдат вносил в револю-

ционное движение огромный разрушительный потенциал. Росту деструктивных тенденций способствовал неизбежный во всякой революции процесс массовизации. Еще до революционных потрясений 1917 года в России один из основателей социальной психологии Г. Лебон (1995) писал о том, что человек, становясь частицей толпы, опускается на несколько ступеней ниже по лестнице цивилизации: толпа превращает цивилизованного человека в варвара, существо инстинктивное.

Для «человека толпы» революция явилась «праздником плоти», проходящим под лозунгами: «Хватай!», «Грабь!», «Убивай!», «Пей!», «Наслаждайся жизнью!» Солдатская масса руководствовалась стремлением к грабежу, наживе, выпивке или просто потребностью удовлетворить скрытый преступный инстинкт. Революционные события февраля-марта сопровождались насилием, жестокостью, хулиганством, которые исходили от солдат. Например, 1–2 марта ситуация в Твери была неконтролируемой. В городе господствовал безудержный разгул вооруженной стихии. Действия неорганизованных толп солдат и рабочих сопровождались погромами и насилием. Солдаты разграбили дом Тверского губернатора Н. Г. фон Бюнтинга, а его зверски убили (ТЦДНИ: Ф. 114. Оп. 2. Д. 3. Л. 19). Ими была разгромлена тверская тюрьма и освобождены заключенные. Арестанты, переодетые в форму офицеров, солдат, студентов, гимназистов, грабили население, чинили беспорядки (РГВИА: Ф. 9681. Оп. 1. Д. 7. Л. 78). Нижние чины 57, 196 и 232-го пехотных запасных полков разграбили тверскую пекарню при Морозовской фабрике (ТЦДНИ: Ф. 114. Оп. 1. Д. 43. Л. 96–97). На предприятиях солдаты разоружали стражу, охранявшую находящихся на работах военнопленных (ГАТО: Ф. 956. Оп. 1. Д. 4. Л. 56).

Солдаты обращали свой гнев и ненависть не только против старых органов власти и управления, но и против командно-офицерского состава гарнизонов, который являлся для них воплощением зла. В февральско-мартовские дни произошли стихийные расправы солдат с ненавистными командирами. Во время подобных инцидентов проявилось озверение армейской массы, ее одичание. Так, солдаты тверского гарнизона арестовали, а затем убили генерала Чеховского, ранили и арестовали генерала Рутковского, арестовали генерала Пигулевского и некоторых других офицеров. Нижние чины подняли на штыки прапорщика Козлова, который 1 марта застрелил солдата, не отдавшего ему честь, убили командира дивизиона артиллерийской бригады подполковника Иванова,

ранили командира батальона 232-го пехотного запасного полка подполковника Росса (ГАТО: Ф. 956. Оп. 1. Д. 4. Л. 28 об.).

Процесс «демократизации», охвативший военные гарнизоны в первые дни февральской революции, нанес сильный удар по воинской дисциплине и окончательно подорвал доверие и уважение солдат к офицерам. Будучи сразу наделены огромными правами, солдаты не смогли определить их границы. Лозунг «Свобода, равенство и братство!» понимался ими как крушение всяких авторитетов. Распространение в армейской среде деструктивной активности, расхлябанности, привычки к насилию и безнравственности не способствовало росту демократического сознания армейской массы. Понятия демократической республики, правопорядка, равенства и парламентаризма в большинстве случаев оказались недоступны пониманию солдат – вчерашних крестьян. Член Московского Совета солдатских депутатов Шишин, посетив тверской гарнизон в качестве инструктора в апреле 1917 года, пришел к выводу, что «среди солдат сознательных мало» (Подготовка... 1960: 72–73).

Лишь небольшая часть солдат адекватно восприняла свое преобразование в свободных граждан. Они видели свой долг в организации и устройении общественной и армейской жизни и явились социальной опорой демократии. Наиболее опытные, грамотные и активные солдаты занимали видное место в формирующихся органах власти.

Демократически настроенная часть армейской массы, представленная армейской интеллигенцией (писари, врачи, фельдшеры и т. п.) и офицерами, составляла костяк выборных войсковых организаций. Основной задачей армейских общественных организаций было преодоление анархии и хаоса в гарнизонах, пресечение погромов, растущего дезертирства, пьянства, внесение внутреннего порядка в войска.

Но члены армейских общественных организаций не были непосредственно связаны с солдатской массой, не жили ее стремлениями и заботами и поэтому не отражали всю гамму ее чувств, настроений, чаяний и надежд. Для широкой солдатской массы животрепещущей проблемой было отношение к войне. Среди молодых солдат, не нюхавших пороха, весной 1917 года господствовали настроения революционного оборончества. В их молодых сердцах пылал революционный энтузиазм. Упоенные торжеством революции, они впитывали оборонческие лозунги и стремились идти защищать демократию и свое счастье под лозунгом «Война до победного конца!» (РГВИА: Ф. 7952. Оп. 2. Д. 99. Л. 76 об.;

ТЦДНИ: Ф. 114. Оп. 1. Д. 15. Л. 31). Но это были юношеские эмоции, а не убеждения умудренных жизненным опытом людей.

Более инертную массу представляли ратники старших возрастов. Они жили мечтами о доме, семье, хозяйстве. «Ничто не волновало так бородатых ратников, как надпись “Долой войну!”» (Захаров 1917: 25). Этот лозунг обещал им многое: избавление от безумно жестокой дисциплины и от изучения военной науки, которая давалась запасным с большим трудом, улучшение пищи и одежды, возвращение к своим семьям. После трех лет тягот и мучений, вызванных войной, солдаты задавали себе лишь один вопрос: «Почему я должен умереть, когда дома начинается новая и более свободная жизнь?» (Керенский 1991: 179). Эти солдаты были сторонниками мира «во что бы то ни стало» и выступали против отправки на фронт.

Конечно же, солдат-крестьян волновал вопрос о земле. «Земля и мир – вот две затаенные мечты, прожигавшие, подобно каленому железу, все существо солдата-крестьянина», – вспоминал генерал Ю. Н. Данилов (1992: 147). В решение аграрного вопроса солдаты вносили присущую им решимость и нетерпение. Они призывали крестьян самим защищать свои интересы. Солдаты выступали зачинщиками аграрных волнений, возглавляли крестьянские выступления. В одном из отчетов отдела сношений Государственной думы с провинцией подчеркивалось, что как только в деревнях появлялись солдаты, «сейчас же начинались резкие выступления против помещиков» (Якупов 1972: 186).

Настроения солдатской массы, острота вопроса о власти в постфевральский период поставили армию в эпицентр острой межпартийной борьбы. Идеологическое воздействие политических партий на армейские массы происходило во время митингов, собраний, демонстраций, манифестаций, через печать и другие средства пропаганды и агитации. Солдаты бессознательно-доверчиво относились к лозунгам и обещаниям политических партий и групп, стихийно-эмоционально реагировали на речи ораторов. «Солдаты склонны были хлопать каждому, кто красиво и с подъемом скажет речь; смысла же речи, по темноте своей, они пока не способны были усвоить», – вспоминал А. Пирейко (1926: 44). Для большинства солдат все революционные партии были на одно лицо и имели одну общую кличку – «революционеры», а иногда и более упрощенную, солдатскую, – «забастовщики» (Чемоданов 1926: 87).

Армейская масса ориентировалась не на партийные идеологии, в которых она мало что понимала, а на отдельных личностей. Пер-

воначально немалые надежды в армии возлагались на Керенского. В нем солдаты видели «вождя революции, министра, ведущего огромную страну к новому строю, героя, который своими подвигами поверг в пучину старый строй» (Оськин 1931: 174). В этой персонализации революционного процесса и власти проявилось традиционное для русского народа ожидание хозяина, вождя, общепризнанного лидера, который придет, наведет порядок, все расставит по местам, всех примирит и каждому воздаст по заслугам.

Однако этим надеждам не суждено было сбыться. Очень скоро стало очевидно, что новая власть не сможет сразу удовлетворить насущные требования солдат, прежде всего решить вопрос о мире. Страна оставалась в состоянии войны, и власти видели свою задачу в том, чтобы спасти армию от разложения, поддерживать в ней дисциплину, порядок и исполнительность.

Керенский, став военным министром Временного правительства, принял меры по укреплению дисциплины в армии: 5 мая он издал приказ об ответственности за уклонение от военной службы; 11 мая подписал «Декларацию прав солдата» (Революционное... 1959: 231, 237–239). Эти акты Керенского воспринимались солдатами как наступление на права, полученные ими в ходе февральской революции. Прежний имидж Керенского, который олицетворял собой новый демократический строй, был разрушен. К началу лета между революционной демократией и солдатской массой образовалась глубокая трещина.

В феврале 1917 года демократия в России победила организационно-политически, но не социально-психологически. Для массового сознания переход от самодержавия к демократии был непонятен. Малосознательные, политически невежественные в своей массе солдаты не воспринимали отвлеченные призывы: «Война до победы – ради торжества справедливости и демократии», «Дисциплина – во имя революции» и т. п. Для большинства солдат более понятными и привлекательными были лозунги: «Мира!», «Земли!», «Воли!» В своей жажде мира, земли, воли солдатская масса не встретила отклика ни в политике Временного правительства, ни в политике армейских общественных организаций. Поэтому уже весной в настроениях армейских масс обнаружился поворот от революционной эйфории и поддержки новой власти к политической апатии и недоверию.

Летом 1917 года раскол между армейскими массами и демократией углубился. Этот процесс был ускорен подготовкой июньского

наступления русской армии на фронте и отправкой в действующую армию запасных войск. Приближавшаяся отправка на фронт, воспоминания об ужасах фронтовой жизни рождали в сердцах солдат жгучую ненависть к офицерам, усилившим казарменную муштру, к местным властям, в том числе к соглашательским советам и армейским комитетам, выступившим с активной поддержкой наступления, и наконец к верховной власти. Поверхностные увлечения революционной романтикой и демократические иллюзии сменились у солдат озлоблением и ненавистью к демократическим деятелям и институтам. Протесты солдат против войны и отправки на фронт чаще всего носили стихийный характер и сопровождались избиениями и арестами офицеров, погромами в городах (Протасов 1978: 79, 81).

Провал июньского наступления привел к тому, что недоверие солдат к Временному правительству и революционной демократии, наметившееся в апреле, нараставшее в мае, обострилось во второй половине июня. К концу июня солдаты окончательно разуверились во Временном правительстве, так как оно было правительством войны и ассоциировалось с тем хаосом, экономическим и правовым беспределом, которые воцарились в обществе. Армейская масса стала решительно требовать отставки правительства и прекращения войны.

Практические действия революционно-демократических сил, оказавшихся у власти весной 1917 года, пришли в противоречие с генетически унаследованными образцами поведения, мышления, восприятия и воображения, носителем сущностных черт которых являлся «человек с ружьем». Старое монархическое государство было уничтожено, но на уровне привычек и первичных реакций оно продолжало жить в общественном сознании. Массы после утраты веры в идеального царя не отказались от вековых представлений о стиле государственного устройства. Власть по этим представлениям должна быть сильной, независимой и безраздельной. Временное правительство, не обладавшее этими качествами и не способное решить основные вопросы, волновавшие солдат, лишилось поддержки армии.

Наиболее близкой структурам традиционного, архетипического массового сознания оказалась простота большевистских альтернатив. Большевики стремились найти опору в чувствах и помыслах низших струй революционного потока. Здесь они находили органически присущую русскому народу, стоящему на таких социаль-

но-исторических традициях, как авторитаризм и бюрократизм, потребность в сильной государственной власти и железном порядке, готовность к расправе с «врагами», презрение к интеллигенции, культуре, праву и т. п. Разжигая классовую ненависть, призывая к гражданской войне, выдвигая популистские лозунги: «Мира!», «Хлеба!», «Земли!», «Воли!», леворадикалы стремительно завоевывали политический капитал в армейской среде.

Мятеж генерала Л. Г. Корнилова на короткое время сплотил армейские массы вокруг революционной демократии. Солдатам было чуждо стремление генералов навести порядок в армии, укрепить в ней дисциплину, восстановить авторитет офицерства. Поэтому они осудили мятеж контрреволюционных генералов Ставки и поддержали революционные органы власти.

Но после подавления мятежа в связи с попытками Временного правительства вернуться к чрезвычайным мерам в армии для укрепления в ней порядка и дисциплины наблюдается очередной и окончательный откат солдат от демократии. Военный министр А. И. Верховский, анализируя положение дел в армии в сентябре 1917 года, отмечал, что здесь действуют три главнейшие силы: первая – командный состав, «который потерял у масс последнюю каплю доверия после выступления Корнилова...»; вторая – войсковые комитеты, «по большей части примыкающие к партийной группировке социалистов-революционеров и социал-демократов меньшевиков», которые «постепенно стали на государственную точку зрения» и оторвались от масс, теряя свое влияние на них; и третья сила – большевики. «Они идут с самыми простыми, ясными для масс лозунгами: “Мир, хлеб и земля”. Народ, истомленный войной, жадно тянется за обещанием мира, твердо веря обещаниям большевиков» (Верховский 1918: 114–115).

После корниловщины солдаты еще раз почувствовали себя обманутыми властями. С настроениями разочарования во Временном правительстве, усталости от тягот и лишений казарменной жизни, жажды мира и земли любой ценой встретила армейская масса Октябрь 1917 года.

В отличие от революционной эйфории февральско-мартовских дней в октябре в армейской среде преобладают настроения апатии и безразличия к происходящим переменам. В связи с неверием большинства армии в реальную действенность любой власти изменилась модель поведения солдат: они все больше ориентируются на самосохранение, выживание, у них господствует стремление

отсидеться, переждать. Поэтому ударной силой большевиков в октябрьские дни стали отряды Красной Гвардии. Тем не менее, благожелательный нейтралитет основного состава воинских гарнизонов содействовал захвату власти большевиками на местах.

Осенью солдатские массы стихийно сделали свой выбор, способствовавший политическому успеху леворадикалов. Большевики поняли окопно-казарменные настроения и чувства серошинельной солдатской массы, сумели убедить ее в возможности «рая на земле» и использовать в борьбе со своими политическими противниками. Однако солдаты, вчерашние крестьяне, темные черты социального облика которых начали формироваться еще в процессе капиталистической модернизации, окончательно оформились в годы Первой мировой войны и были углублены в революции общим упадком законности и порядка, представляли серьезную угрозу новому политическому режиму. «Из окопов и из медвежьих углов повылезли совсем серые и темные люди; их преданность революции была злобой и отчаянием, а их “социализм” был голодом и нестерпимой жаждой покоя. Это был неплохой материал для экспериментов, но эксперименты с ним были рискованны», – писал один из лидеров меньшевиков Н. Н. Суханов (1992: 334).

Видя в старой армии источник опасности, большевистское правительство пошло на ее демобилизацию и создание новой – Красной Армии, сформированной по классовому принципу.

Литература

Булгаков, С. Н. 1990. На пиру богов. *Из глубины. Сборник статей о русской революции* (с. 90–144). М.: Изд-во МГУ.

Булдаков, В. П. 1997. *Красная смута. Природа и последствия революционного насилия*. М.: РОССПЭН.

Верховский, А. И. 1918. *Россия на Голгофе. (Из походного дневника 1914–1918 гг.)* Пг.: б/и.

Данилов, Ю. Н. 1992. *На пути к крушению: Очерки из последнего периода русской монархии*. М.: Воениздат.

Деникин, А. И. 1990. Очерки русской смуты. *Вопросы истории* 3: 120–153.

Захаров, В. 1917. *Солдаты. Мое воспоминание о службе в полку Бунякина и о Тверской революции*. Тверь: б/и.

Керенский, А. Ф. 1991. Россия на историческом повороте. *Вопросы истории* 1: 166–187.

Крыленко, Н. 1927. Февральская революция и старая армия. *Пролетарская революция* 2–3: 240–251.

Лебон, Г. 1995. *Психология народов и масс*. СПб.: Макет.

Ленин, В. И. Две тактики социал-демократии в демократической революции. *Полн. собр. соч.* 5-е изд. Т. 11: 1–131.

Оськин, Д. 1931. *Записки прапорщика*. М.: Федерация.

Пирейко, А. В. 1926. *В тылу и на фронте империалистической войны*. Л.: Прибой.

Подготовка и проведение Великой Октябрьской социалистической революции в Тверской губернии. Сб. документов и материалов. 1960. Калинин: Кн. изд-во.

Протасов, Л. Г.

1978. *Солдаты тыловых гарнизонов Центральной России в борьбе за власть Советов*. Воронеж: Изд-во Воронежского ун-та.

1979. *Солдаты тыловых гарнизонов Центральной России в борьбе за победу Великого Октября*. Дис. ... д-ра ист. наук. М.

Революционное движение в России в мае-июне 1917 г. Июньская демонстрация: Документы и материалы. 1959. М.: Изд-во АН СССР.

Россия в мировой войне 1914–1918 гг. (в цифрах). 1925. М.: ЦСУ.

Старцев, В. И. 1991. Последние дни империи. *Страницы минувшего: Очерки* (с. 87–137). М.: Советский писатель.

Суханов, Н. Н. 1992. *Записки о революции*: в 3 т. Т. 3. Кн. 5, 6, 7. М.: Республика.

Тверской край. 1917. 3 декабря.

Чемоданов, Г. Н. 1926. *Последние дни старой армии*. М. – Л.: Госиздат.

Якупов, Н. М. 1972. *Партия большевиков в борьбе за армию в период двоевластия*. Киев: Изд-во Киевского ун-та.